

Шмуэль Латвинский

Реховот, Израиль

О СЕМЬЕ ШЕЙНЫ ГРАМ И ЕЕ ДНЕВНИКЕ

Шейна Грам¹ родилась в 1926 г. в г. Преиля в Латгалии. Ее отец, Ицик Грам, 1877 г. р., от первого брака имел двух сыновей, которые родились в начале XX в. и в 20-е гг. уехали на постоянное место жительства в Южную Африку. Ицик Грам был портным. Мать Шейны, Сара Грам (урожд. Зангвиль), 1882 г. р., была домохозяйкой. Старшая сестра Шейны, Фрейда, родилась в 1918 г., работала продавщицей в магазине тканей. Старший брат Шейны, Гутман, родился в 1920 г., был рабочим на льнозаводе. Младший брат Шейны, Аба, родился в 1928 г.

Семья Грам жила в Преиля, на ул. Тиргус, 8, кв. 2. Шейна училась в Преильской еврейской школе. Всегда была отличницей, очень начитанной. У Шейны была активная жизненная позиция, она принимала участие в жизни школы, работала в молодежной сионистской организации «Гашомер-Гацаир» до июня 1940 г., когда в Латвию вступили советские войска. На лесной поляне они распевали ивритские песни, танцевали, готовились к отъезду в Палестину. В 1932 г. туда уехала наша тетя Нойма Латвинская. Мать Шейны и моя мать — родные сестры. Следовательно, я довожусь Шейне Грам двоюродным братом; родился в Преиля в 1931 г.

В первый же день войны, 22 июня 1941 г., Шейна начала вести дневник. В этот же день она записалась на курсы санинструкторов и в ночь на 25 июня заступила на дежурство по городу.

26 июня Шейна записала в дневнике, что ее братья Гутман и Аба уехали на велосипедах на восток через Рибеини, где жили наши дяди и тети.

3 июля Шейна пишет в дневнике, что ее брата Абу послали на заготовку

Шейна Грам (внизу справа) с братом Гутманом (внизу слева), сестрой Фрейдой (вверху слева) и неизвестным. Преиля, 8 октября 1940 г.

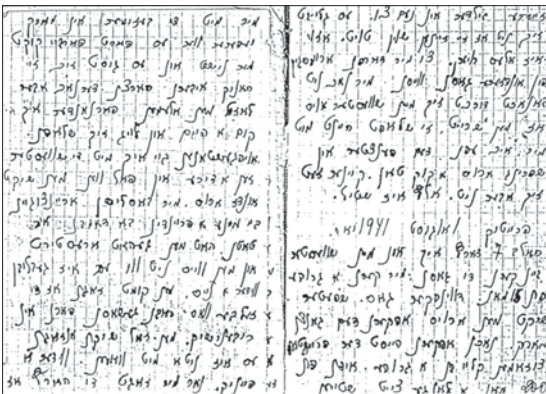
Родные Шейны Грам на рыночной площади в Прейли у киоска Двейры Латвинской. 1939 г. Слева направо: Гутман Грам, Абрам Латвинский, Миша Шавлов, Аба Грам

в Риебине, а оттуда уехала на восток на велосипеде вместе с Гутманом.

Гутман Грам с 1942 г. воевал в Латышской дивизии³. Там он встретил моего брата Лейзера Латвинского. Лейзер рассказал Гутману, что наша семья находится в Чувашии, что мы работаем в колхозе, но на трудодни⁴ ничего не получаем, голодаем. Гутман рассказал, что его жена Ида живет в Мордовской АССР, родила сына, колхоз там богатый. Он написал Иде, чтобы та послала нам вызов в Мордовию. Весной 1944 г. мы приехали к Иде и там жили с ней в одной хате.

Осенью 1944 г. мы получили от Гутмана пакет. В нем был дневник его сестры Шейны и письмо. Он писал, что с боями вошел в Прейли и зашел к соседке Ивановской узнать о судьбе его семьи. Она рассказала, что вся его семья была расстреляна, и передала ему дневник Шейны.

Дневник был написан на идише на бумаге в клеточку в записной книжке в коричневом коленкоровом переплете. Формат — примерно 10x15 см, на 50 страницах. Шейна начала вести дневник 22 июня 1941 г., последняя запись датирована

Фрагмент дневника Шейны Грам. 1941 г.

торфа. 60 лет я ломал себе голову, как получилось, что 26 июня братья Шейны уехали на восток, а 3 июля Аба оказался в Прейли. Разгадать эту тайну мне помог Давид Зильберман². Он рассказал, что их семья покинула Прейли вечером 27 июня и направилась в сторону Риебины. У них в доме жила Ида Ципук — двоюродная сестра Давида. Она работала учительницей в школе и была влюблена в брата Шейны — Гутмана Грама. Утром 28 июня Ида пришла пешком

на 8 августа 1941 г., а 9 августа всю семью Шейны расстреляли. Шейна осознала, какую историческую ценность представляет ее дневник. Она также поняла, что идет поголовное истребление евреев, поэтому на первой странице дневника она написала по-латышски: “*Šeinas Gram dienasgrāmata*” («Дневник Шейны Грам»).

20 июня 1945 г. наша семья уехала в Латвию, а

Ида еще оставалась в Мордовии, так как учебный год еще не закончился, а она работала учительницей в школе. Дневник Шейны остался у Иды.

После войны Ида переписывалась со сводными братьями Гутмана и Шейны и получала от них из ЮАР посылки. Когда Ида написала им о дневнике Шейны Грам, они попросили, чтобы она прислала дневник им. Как я предполагаю, Ида боялась, что братья Грам обвинят ее в гибели их брата Абы, поскольку с Гутманом в советский тыл уехала она, а не Аба, и вырвала первые листы дневника перед отправкой его в ЮАР.

Когда я узнал, что в Иерусалиме создан мемориал «Яд-Вашем», я встретился с Идой в Риге и сказал, что дневник Шейны надо послать в «Яд-Вашем». Ида мне ответила, что дневник она отправила в ЮАР.

В 1995 г. я поехал в Израиль в гости к своей сестре Лее. Она дала мне вырезку из газеты с изложением дневника Шейны Грам. Я спросил: а где начало? Сестра сказала, что его нет.

Как я узнал впоследствии, один из братьев Грам в конце 1980-х гг. приезжал в Ригу и передал копию дневника Шейны без начала Леониду Чурилову (тоже родственнику Шейны по отцовской линии). Старший сводный брат Шейны умер в ЮАР в 80-е гг., а младший — в начале 90-х гг. Их дети не знали ни идиша, ни латышского языка, поэтому не придали дневнику Шейны значения и, очевидно, выбросили его как ненужную макулатуру.

По всей вероятности, Гутман Грам, прежде чем отослать дневник нам, успел показать его Б. Герцбаху⁵ — литератору из группы Ильи Эренбурга⁶. Б. Герцбах перевел дневник на русский язык⁷.

Я нашел сына Б. Герцбаха в Израиле. Он профессор Беер-Шевского университета. Сын рассказал мне, что, когда начали арестовывать членов Еврейского антифашистского комитета, его отец сжег все собранные им в 1944—1945 гг. бумаги.

Упомянутый выше Леонид Чурилов в 1992 г. переехал в Израиль, и, по всей вероятности, копия дневника, которую ему передал сводный брат Шейны, попала в русскоязычную газету в Израиле. В 1995 г. я связался с Л. Чуриловым, и он переслал мне копию дневника без начала. Когда я показал эту копию директору Музея «Евреи в Латвии» М. Вестерману, он послал запросы в ЮАР, в «Яд-Вашем» и в Москву. Из ЮАР и «Яд-Вашем» ему ответили, что им ничего не известно об этом дневнике, и только из Москвы, из бывшего архива ЦК КПСС, пришла выписка из «Неизвестной Черной книги», изданной в Иерусалиме—Москве в 1993 г. (с. 325—332). Очерк «Голос Шейны Грам» написала писательница В. Герасимова на основе перевода дневника Шейны с предисловием Б. Герцбаха. В. Герасимова — одна из авторов «Черной книги»⁸.

Вот такова история дневника Шейны Грам.

В 2004 г. я встретился с Идой Ципук (1918 г. р.), гражданской женой Гутмана Грама. Она живет в Нью-Йорке⁹. Ида утверждала, что ничего не помнит о дневнике Шейны. Сын Гутмана и Иды — Александр, 1942 г. р., тоже живет в Нью-Йорке. После войны Ида вышла замуж за Скопеца и скрывала от сына, кто его фактический отец (Скопец усыновил Александра).

Борух Герцбах

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дневник Шейны Грам (22 июня — 8 августа 1941 г.)

Помимо шести еврейских душ, оставшихся в живых в местечке Прейли Латвийской ССР, чудом сохранился один документ, изобличающий лучше всяких свидетельских показаний зверства немецких фашистов. Этот документ — маленькая записная книжка-дневничок 15-летней еврейской девушки Шейны Грам, убитой вместе со своей семьей и 1500 другими евреями рукой немецких фашистов в этом маленьком городке Советской Латвии¹⁰.

Этот дневничок был передан русской соседкой семьи Грам после того, как в Прейли¹¹ вместе с частями Красной армии вошел брат убитой — боец Латышской стрелковой дивизии¹² Гутман Грам¹³.

Оставшаяся в живых семья Хаги¹⁴ из Прейли передает следующие подробности об авторе дневника Шейне Грам.

К моменту начала войны семья Грам состояла из шести человек: отца Ицика 60 лет¹⁵, по профессии портного, его 52-летней жены¹⁶, старшей дочери Фрейды 20 лет¹⁷, сына Гутмана 18 лет, дочери Шейны 15 лет и сына Лейбы 12 лет¹⁸. Из всей семьи остался в живых лишь Гутман, эвакуировавшийся в Советский Союз и теперь находящийся в рядах Красной армии¹⁹.

Дочь Грама — 15-летняя Шейна, как раз накануне войны окончила шестилетку²⁰. Она была духовно развитой и интеллигентной девочкой. Она прекрасно училась.

Свой дневничок Шейна Грам вела на еврейском языке, лишь надпись «Дневничок Шейны Грам» сделана на латышском языке²¹.

По рассказам семьи Хаги, Шейна Грам и вся ее семья была убита 9 августа 1941 г. Ее старшая сестра Фрейда, упоминаемая в дневнике, в этот день была задержана после работы комендантом, который, натешившись ею вдоволь, уничтожил ее 16 августа. Дневник Шейны начинается в день начала войны 22 июня 1941 г.

Б. Герцбах

*

2 2 и ю н я. В 12 часов дня радио сообщило: «Германия объявила войну СССР. В 4 часа утра немецкие самолеты бомбили несколько русских городов».

Под вечер я уехала в Рибенишки²² (7 километров от местечка Прейли. — Б. Г.). Все время до 12 часов ночи я сижу у радиоприемника. Передают, как охранить себя от воздушного нападения.

2 3 и ю н я. Утром мы узнаём, что бомбили Двинск²³. Я достаю подводу и возвращаюсь домой. Объявлено осадное положение, и по улице разрешается ходить только до 8 часов вечера. Мы беседуем дома до 11 часов. Ночью слышен шум многочисленных самолетов. По городу проходят танки. Стоит большой шум. Все домашние всю ночь бодрствуют.

2 4 и ю н я. Встала очень рано, на улице тихо. Нет никаких известий. Учреждается кружок скорой помощи, и я немедленно записываюсь. В 4 часа состоялась первая лекция. Врач объясняет, как нужно оказывать первую помощь. После занятия мы все ожидаем автобуса. В город приходят все новые люди. Каждый рассказывает что-нибудь новое. Немцы успешно наступают. Все взволнованы. В городе люди все волнуются. Под вечер начинается дождь. Надо маскировать окна. Я ложусь в кровать одетая. В час ночи меня будит сестра. Слышен шум моторов пролетающих самолетов. Я долго прислушиваюсь к шуму, но затем засыпаю.

С р е д а, 2 5 и ю н я. Рано утром я уже выхожу на улицу. Сведений с фронта нет. Все ожидают автобуса. У всех конфискуются радиоприемники. Ежеминутно пролетают самолеты. Базар разгоняют. Нельзя собираться в группы. Автобус прибывает лишь под вечер. В 6 часов вечера я иду в Красный Крест. Там нас обучают перевязкам. Из кружка выделили две смены дежурств: с 8 вечера до часа ночи и с часа ночи до 5 утра. Меня назначают во вторую смену. До двух часов ночи тихо. С 2-х до восхода солнца слышны заглушенные удары. Бомбят железнодорожное полотно. В 5 часов утра нас с дежурства освобождают.

Ч е т в е р г, 2 6 и ю н я. В городке страшное волнение. Немцы наступают. Советские автомобили снуют туда и обратно. Все укладывают вещи. Многие едут в сторону границы. Мои братья с двумя товарищами направляются на велосипедах. Я достаю велосипед и с еще одной девушкой также уезжаю. Уже вечер, мы приезжаем в Рибенишки. Там мы ночуем.

Пятница, 27 июня. Мы не едем дальше. Целый день мы сидим у моей тети. Проезжают солдаты. Едут многие, бежавшие из Польши и Литвы. Вечером приходит дядя моей подруги. Она уезжает с ними. Я также еду с ними. Потом, однако, я передумала и к утру возвращаюсь к себе домой.

Четверг, 3 июля. Мы уже второй день живем с немцами²⁴. На улицах никто не появляется. Через Прейли прошло огромное немецкое войско с большой амуницией.

Первый день прошел тихо. На второй день немцы взломали магазины и все расхитили. Ворвались в синагогу, вытащили свитки Торы и растоптали их ногами. На других улицах они устраивают разные дебоши. Все время разъезжают немецкие автобусы и танки. Мы ничего не знаем о положении на фронте. Мы все переживаем много страха. У нас остановилось несколько немецких солдат. Среди них имеются и очень благородные люди. Они все время успокаивают нас, что рабочих не будут трогать. Публикуется распоряжение, что евреи и русские не имеют права вывешивать свои национальные флаги. Ходьба по улицам разрешается до 10 часов вечера, но никто не осмеливается высунуть и головы. Мы сидим только в квартире.

Каждый день новые репрессии. Посылают на работу: полоть огороды, мыть полы и т.д. Крестьянское население призывается ничего не продавать евреям.

Суббота, 19 июля. Издаётся приказ, что евреи должны носить желтый отличительный знак. Он состоит из пятиконечной звезды²⁵, 12 сантиметров ширины и длины. Мужчины должны его носить на спине, груди и чуть повыше колена левой ноги. Женщины — на груди и спине. Многих арестовывают и сажают в тюрьму.

Понедельник, 21 июля. Группу в 50 евреев отправляют на торфяные разработки. Каждый из них должен выработать 15 стер (5 куб. метров. — Б. Г.). Они работают четыре дня и потом возвращаются домой. Из нашей квартиры никого не взяли.

Четверг, 24 июля. На торфяные работы угоняется новая группа. Надоело сидеть дома, я сама хочу работать. Меня записывают вместе с сестрой. Вечером мне сообщают, что в пятницу в 5 часов утра нужно отправиться на работу.

Пятница, 25 июля. В 5 часов утра мы собираемся на базарной площади около пожарной каланчи. Делается переключка, и мы отправляемся. До торфяных разработок 10 километров. В половине девятого нас уже распределяют на работу. Мы работаем группой в 10 человек: 8 девушек и 2 юношей. Мы заняты переворачиванием нарезанного торфа. Работа тяжелая. Каждую минуту подбегает лесник и нас подгоняет. В 7 часов вечера работа прекращается. Для ночлега нам отводится сарай (палатка). В два часа ночи нас окружает группа неизвестных, кажется, партизаны²⁶. Один из них призывает выйти всем евреям, но, когда никто из нас не откликается, они открывают стрельбу. Картина в сарае ужасная. Все сбежались в один угол, и каждый молит Бога. К счастью, над нами только забавлялись. После стрельбы, когда никто не отозвался, окружавшие сарай ушли. Но всю ночь мы не спали. В 5 часов утра мы снова вышли на работу.

Суббота, 26 июля. В 6 часов мы уходим на работу. На обед дается один час. После обеда от нашей группы забирают несколько человек. Нас остается семь. Мы выполняем, однако, нашу норму до 3-х часов дня и направляемся затем в лес, где находятся наши вещи. Через некоторое время собираются все остальные, и мы направляемся домой. Выйдя из леса, мы спохватились, что не хватает одного. Начинаем поиски, но безрезультатно. Переживая судьбу потерявшегося, мы направляемся домой. Придя домой, мы застаем его в комнате. Оказывается, он пошел другой дорогой. В городке — волнение. Забирают лошадей, и ночью несколько евреев увозят в Малту²⁷.

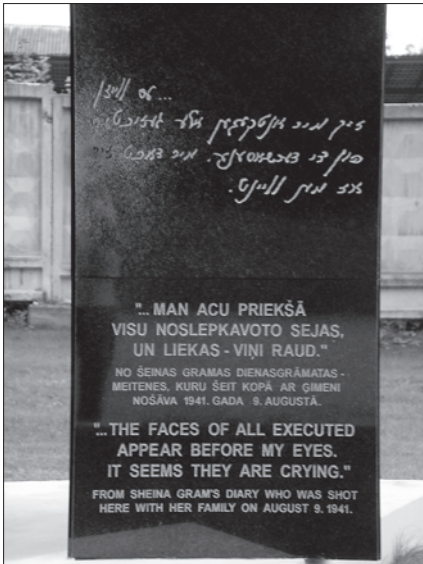
Воскресенье, 27 июля. Это кровавое воскресенье для латвийского еврейского народа.

Утро. Всем евреям Двинской улицы приказывают одеться в лучшее платье, взять с собой продукты и выйти на улицы. В домах производятся обыски. В 12 часов всех евреев загоняют в синагогу. Одну группу молодых евреев отправляют рыть могилы за кладбищем. Потом в синагогу загоняются евреи еще двух улиц.

Половина четвертого дня. Всех евреев угоняют за кладбище и там расстреливают. Всех 250 евреев: мужчин, женщин и детей.

Это ужасно. Такого конца мы не ожидали. Горсточка оставшихся ожидает каждую минуту смерти.

Понедельник, 28 июля. Кошмарный день. Мы узнаем подробности ужасного и трагического конца. Днем новая группа оставшихся евреев угоняется на торфяные работы.

Мемориал жертв Холокоста в Прейли на месте убийства у еврейского кладбища. Центральный обелиск со словами из дневника Шейны Грам: «Передо мной встанут лица расстрелянных. Мне кажется, что они... плачут»²⁸

Евреев больше не будут трогать. Они довольствуются 250. Сестру берут на работу мыть полы. Я в это время спала. Сегодня мы спим дома. Восемь часов. Нельзя выходить на улицу. Погода такая изумительная. Неужели для еврейской молодежи все потеряно? Неужели никогда не наступят лучшие времена? Что творится на фронте, мы не знаем. Ходят слухи, что немцы получили крепкий удар и что их теснят обратно. Насколько это правильно, неизвестно. Ночью тихо. Я долго не засыпаю и смотрю в окно. Кругом тишина, только далеко в поле лают собаки.

Четверг, 31 июля. Сегодня тихо. Мы получаем привет из Рибенишки. Там никого не тронули. Утром отправляют на работу. Я с сестрой иду в поле. Мы там сидим до двух часов дня. Создается еврейское гетто. Три человека обходят, записывая трудоспособных. Ежедневно от евреев 40 человек должны идти на торфяные работы и подметать улицы. Каждый день новые преследования, и конца не видно. До всего мы дожили, но удается ли нам пережить, не знаю. Еврейских девушек посылают убирать освобожденные еврейские квартиры для тех, кто их убивал. Меня не берут. Но, когда убирают квартиру моей убитой подруги Мэри Плаговой²⁹, которую готовят для приставы, я иду туда. Собираю ее фотоснимки и оставляю их себе³⁰. Мне не верится, что мои друзья Плаговы уже мертвы...

Пятница, 1 августа. Пока все спокойно. Должны ли мы съехать с нашей улицы, мы еще не знаем. Ночью моей сестре кажется, что где-то кричат. Сегодня она спит со мной. Я открываю окно, спускаюсь через него на улицу и прислушиваюсь. Никого, однако, не видно. Кругом тишина.

В половине седьмого я и моя сестра должны идти подметать улицы. В нашей группе 15 человек. Мы чистим Двинскую улицу. Потом нас отправляют чистить базар. После этой работы пристав отдаст распоряжение собрать группу в 200 евреев. Долго мы стоим с метлами на базаре. Каждый проезжающий избегает смотреть на нас. Затем, однако, нас всех отпускают. Я прихожу домой и ложусь спать. Поднявшись, я с сестрой иду осматривать квартиру на случай, если нас выселят. Мы решаем зайти к моей подруге Дамба. Ее отца арестовали, и неизвестно, что с ним стало. Свежая

Вторник, 29 июля. Рано утром они уезжают. Распространяется слух, что их тоже отправили рыть могилы. Девушек забирают для чистки улиц. Мы смотрим друг на друга и удивляемся тому, что еще живы. Каждая желает себе смерти. Положение евреев ужасное. Как долго мы будем мучиться? Ходят слухи, что под вечер опять возьмут. Мы решаем не ночевать дома. Один крестьянин разрешает нам переночевать в бане. Поздно вечером мы, поодиночке, идем спать в баню. Нас шестеро, баня маленькая. Спать могут лишь трое. Однако никто не спит. Всю ночь ужасно лают собаки. Я сижу с закрытыми глазами. Передо мной встанут лица расстрелянных. Мне кажется, что они сквозь закрытые веки плачут.

Среда, 30 июля. Утром мы возвращаемся в квартиру. Комнаты не тронуты. Все было спокойно. Я валюсь на кровать и немедленно засыпаю. Каждый час новые известия. Один говорит, что будет еще брат, другой — больше не будут брать. Кому верить? Пока ужасно. Каждый сидит и ждет смерти.

Мы узнаем, что остальным евреям готовят еще более ужасная смерть. Нас сожгут. Мне безразлично. Я не хочу жить, [но и] не хочу умирать. Одно лишь меня поражает: как мы все это в состоянии перенести? Я с сестрой решаем прятаться в бане. Приносят хорошую новость.

новость. Приходят и рассказывают, что те самые, которые здесь расстреливали, уезжают в Рибенишки. Хотим предупредить, но не с кем. Снова паника. Мне, однако, сердце говорит, что ничего не будет. В половине девятого мы ужинаем. Прошлой ночью мимо наших окон были слышны шаги. Я подхожу к окну. Идет немецкий солдат. Не проходит и минуты, и откуда-то появляется целая группа солдат. Мы сильно перепугались. Я все время стояла у окна и наблюдала. Солдаты прошли и сейчас же вернулись. Долго я еще сидела у окна, но глаза мои сомкнулись, и я заснула на вешах...

Суббота, 2 августа. Сейчас же с утра меня с сестрой зовут на работу. Нас 6 девушек, и мы убираем всю ту же квартиру пристава. Это снова в доме моей убитой подруги Мэри Плаговой. На сердце все так же больно и тяжело. К тому же к нам приставлен в качестве наблюдателя полицейский шпик, и это совсем плохо. До двух часов мы убираем, и, когда остается повесить гардины, нас отпускают на обед. Через час мы снова должны явиться. Так проходит целый день. Поздно вечером нас встречает пристав и отпускает домой. Ночью тихо.

Воскресенье, 3 августа. Сегодня Тиш'а-бе-Ав³¹. Никогда я не говела в этот день и вообще не придерживалась постов, но как раз сегодня, через неделю после большого несчастья, после кровавого воскресенья, когда пало столько невинных жертв, я решила, конечно, тайно от властей, говеть целый день. В половине второго приходят ко мне и регистрируют на торфяные работы. Мама велит мне покушать что-нибудь, иначе я не смогу работать. Я слушаю ее. Потом список меняют и вместо меня посылают братишку. Уходить надо завтра в 5 часов утра. Я ухожу подметать базар. Придя с работы, я сижу дома. Ходят слухи, что немцев отбросили до границы. Так все спокойно. Перебираются в гетто. Нашей улице велют пока остаться на месте. Ночь прошла спокойно.

Понедельник, 4 августа. Сейчас же с утра уножат подметать базар. После этого я занимаюсь различными домашними работами. Распространяется слух, что все покинувшие свои дома и переселившиеся на еврейскую улицу должны будут вернуться обратно. Правда ли это, я не знаю. В час дня опять новость. Наш пристав ужасно злой человек. Он заявил трем еврейским представителям, которых он сам назначил, что, если улицы не будут достаточно чисты, он их расстреляет. Тогда решают, чтобы каждый час работало по пять девушек. Пока на работу выходят три девушки, и мы подметаем всю Режицкую улицу. Там живут русские крестьяне. С фронта нет никаких известий. Потом я немножко занимаюсь. Читать нечего.

Вторник, 5 августа. Встаю поздно. Остальные домашние заняты на работе. Я немножко занимаюсь русским языком, потом поднимаю на чердак и складываю журналы «Идише билдер»³². В 4 часа я иду подметать базар. К нам приходят и сообщают, что мы должны съехать с квартиры.

Вечером приходит пристав осматривать дома. Мы должны съехать. Нашим соседям приказывают оставаться. Таким образом, мы не знаем толком, как быть. Пристав входит в нашу квартиру и осматривает мебель. Вероятно, все это и нашу квартиру также передадут кому-то другому, как это сделали у Плаговых. Мы готовы к этому. Он разрешает нам все взять с собой. Пока мы остаемся до утра.

Среда, 6 августа. Ночь прошла спокойно. Утром опять волнения. Приходит комиссия. Один велит оставаться на месте, второй — съехать. Квартиры, куда съехать, нет. Живем как бы в воздухе. Когда кончатся наши страдания, никто не знает! Приходит еще одна комиссия и решает, что мы можем оставаться на месте. Опять хорошо. В 4 часа я ухожу подметать улицы. Был базарный день, и улицы полны сором. В половине восьмого я возвращаюсь домой усталой и запыленной. Умываюсь и уже в половине девятого ложусь спать.

Четверг, 7 августа. Рано утром нас зовут мыть полы у пристава в канцелярии полиции. Пристав относится к нам очень хорошо. Мы моем четверо, и нам приказывают ежедневно приходиться на эту работу. Сегодня вновь ходят слухи, что опять будут или сжигать, или расстреливать евреев. Каждый приходит с новостью.

Пятница, 8 августа. Крестьяне рассказывают, что ночью пролетало много самолетов. В 7 часов мы идем мыть полы в полицию. Сегодня начальник в плохом настроении. Все время идет дождь. В 12 часов дня арестовывают трех еврейских представителей. От них требовали, чтобы они отправили на работу 30 человек. 21 человек прибыл, а девять не хватает. Командант требует этих девятерых. Иначе будет плохо. Эти девять евреев спрятались. Мы все переживаем.

Целый день идет дождь. Хотят назначить девять других евреев, но он требует только прежних. Пока представители еще находятся под арестом. Когда кончатся наши страдания, никто не знает. Я чувствую, что ко мне все ближе подвигается самое страшное...

*

Действительно, на этом дневничок заканчивается³³. На следующий день Шейна Грам со всей своей семьей была убита.

Голос Шейны Грам: Дневник пятнадцатилетней девочки из местечка Преиля, 22 июня — 8 августа 1941 г. / Предисл. и пер. Б. Герцбаха // Неизвестная Черная книга: Материалы к «Черной книге» под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга / Сост. И. Альтман. М., 2015. С. 326—334.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шейна Грам (1925, Преиля, Латвия — 1941, Преиля, Латвия) — школьница, училась в Преильской еврейской основной школе, активно участвовала в работе местной молодежной сионистской организации «Гашомер-Гацаир». С началом войны 22 июня 1941 г. начала вести дневник, который вела почти до дня своей гибели — последняя запись датирована 8 августа 1941 г. Погибла в Преиля 9 августа 1941 г. Текст дневника сохранился и представляет собой ценный исторический источник. Содержанию дневника Ш. Грам посвящены статьи Светланы Богоявленской и Бориса Волковича (*Богоявленская С.* Дневник Шейны Грам — исторический и человеческий документ // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 430—436; *Волкович Б.* О дневнике Шейны Грам // Волкович Б., Олехнович Д., Рочко И. и др. Холокост в Латгалии. Даугавпилс, 2003. С. 65—68). — *Ред.*
- ² Зильберман Давид Соломонович (р. 1934) — инженер, общественный деятель. Родился в Преиля (Латвия), в 1957 г. окончил Таллинский политехнический институт. Входил в число рижских диссидентов, борющихся за право советских евреев на выезд в Израиль. В 1971 г. уехал в Израиль, в настоящее время живет в США. Начиная с 1958 г. им собрано большое число воспоминаний евреев, выживших в Холокосте. В 1973 г. опубликовал в своей литературной записи на русском языке воспоминания бывшей узницы Рижского гетто Фриды Михельсон («Я пережила Румбулу» (*Михельсон Ф.* Я пережила Румбулу. Бет-Лохамей-Гагетаот (Израиль), 1973; 2-е изд. Рига, 2005; 3-изд. М., 2011); впоследствии книга была издана также на идише, английском и латышском языках. Автор книги о бывшем рижанине художнике Иосифе Кузьковском (Тель-Авив, 1975), автор-составитель сборника воспоминаний бывших узников гетто и концлагерей «И Ты это видел» (Нью-Йорк, 1989; 2-е изд. Рига, 2006; 3-е изд. М., 2012) и автор книги воспоминаний о Жанисе Липке» (*Zilbermans D.* Kā zvaigzne tumsā: Atmiņas par Jāni (Žani) Lipki. R., 2005; *Silberman D.* Like a star in the darkness: Recollections about Janis (Zhan) Lipke. Riga, 2007; [2nd ed.] Riga, 2010; *Зильберман Д.* Подобно звезде во мраке: Воспоминания о Жане (Янисе) Липке). М., 1913). С 2013 г. возглавляет общество “*Jewish Survivors of Latvia*” («Выжившие евреи из Латвии», Нью-Йорк). В августе 2004 г. в Преиля был открыт мемориал жертв Холокоста, сооруженный на личные средства Д. С. Зильбермана. — *Ред.*
- ³ Имеется в виду 201-я Латышская стрелковая дивизия, решение о формировании которой Государственный комитет обороны СССР принял 3 августа 1941 г. К концу сентября 1941 г. в Гороховецких лагерях (ныне в Нижегородской области) дивизия насчитывала 10 тыс. бойцов, 70 % которых были добровольцы. С 25 октября 1942 года — 43-я гвардейская Латышская стрелковая дивизия. — *Ред.*
- ⁴ Трудодень — единица учета труда в колхозе, определявшая долю каждого члена колхоза в доходах. — *Ред.*
- ⁵ Герцбах Борух Элиасович (1904—1952) — журналист, переводчик. Родился в Митаве Курляндской губ. (ныне Елгава в Латвии), учился на агрономическом факультете Латвийского университета. В 1929 г. редактор журнала на идише «Дер гантверкер» («Ремесленник») в Риге, в 1931 г. редактор газеты на идише «Земгалер штиме» («Голос Земгале») в Елгаве. Перед войной жил в Риге, с началом войны бежал в советский тыл. С августа 1942 г. воевал в Латышской стрел-

- ковой дивизии, был дважды ранен (инвалид войны, демобилизован в конце 1944 г.). После войны жил в Риге, сотрудничал в латышской газете “*Padomju Jaunatne*” («Советская молодежь»). — *Ред.*
- ⁶ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, общественный деятель. Родился в Киеве. За участие в революционном движении был арестован, в декабре 1908 г. эмигрировал в Париж. В 1921—1924 гг. жил в Берлине, активно сотрудничал в советской печати. С начала 30-х гг. постоянно жил в СССР. Во время гражданской войны в Испании (1936—1939) был военным корреспондентом газеты «Известия»; публиковался как эссеист, поэт. С началом Второй мировой войны приобрел широкую популярность как публицист. Название его повести «Оттепель» (1954—1956) стало метафорическим определением короткого послесталинского периода. Наиболее значительное произведение последних лет — воспоминания «Люди. Годы. Жизнь» (кн. 1—6, 1961—1965), которые открывали многие ранее скрытые имена отечественной и зарубежной литературы. Умер в Москве. Произведения переведены на основные языки мира. — *Ред.*
- ⁷ Таким образом, полный текст дневника Шейны Грам известен благодаря публикуемому в приложении к этой статье русскому переводу Б. Герцбаха. — *Ред.*
- ⁸ «Черная книга» — сборник материалов, показаний очевидцев и документов об уничтожении нацистами евреев на территории Советского Союза и Польши, составленный под редакцией В. Гроссмана и И. Эренбурга. Сборник создавался с 1943 г. в рамках международного проекта при финансовой поддержке американских еврейских организаций; в проекте приняли участие А. Эйнштейн, Л. Фейхтвангер и другие выдающиеся интеллектуалы и общественные деятели. Уже набранная книга была уничтожена в 1948 г. при ликвидации Еврейского антифашистского комитета. Сохранившаяся рукопись была издана в 1980 г. в Иерусалиме; имеется также ряд ее последующих изданий (напр.: Киев, 1991; Вильнюс, 1993; М., 2015; и др.). Подробнее о запрете «Черной книги» см.: *Костырченко Г.* В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Док. исследование. М., 1994. С. 68—73. — *Ред.*
- ⁹ По сведениям на октябрь 2014 г., Ида Ципук жила в пансионате для престарелых в Нью-Йорке. — *Ред.*
- ¹⁰ Цифра не верна. По переписи 1935 г., в Прейли проживало 847 евреев (51 % жителей). Более 800 из них были уничтожены нацистами и их пособниками. — *Ред.*
- ¹¹ Дата освобождения Прейли — 27 июля 1944 г. Соседка по фамилии Ивановская передала Г. Граму дневник Ш. Грам 8 августа 1944 г. и рассказала о трагической гибели его семьи. — *Ред.*
- ¹² В оригинале: Латвийской стрелковой дивизии. — *Ред.*
- ¹³ Гутман Грам (1920—1944) — рабочий льнозавода. С 1942 г. воевал в Латышской стрелковой дивизии, участник боев за освобождение Латвии, погиб 28 августа 1944 г. в районе Мадоны. Похоронен на мадонском воинском Братском кладбище (находится в городском парке). — *Ред.*
- ¹⁴ История спасения семьи Хаги описана одним из ее членов (см.: 1000 дней — борьба за жизнь: Вспоминает Мордух Хаги // Зильберман Д. И Ты это видел. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 41—52). — *Ред.*
- ¹⁵ Ицик Грам (1877—1941) — портной. Убит в Прейли. (Здесь и далее даты жизни членов семьи Грам уточнены по данным интернет-сайта: <http://names.lu.lv/>). — *Ред.*
- ¹⁶ Сара Грам (урожд. Зангвиль, 1882—1941) — домохозяйка. Убита в Прейли. — *Ред.*
- ¹⁷ Фрейда Грам (1917—1941) — продавщица в магазине тканей. Убита в Прейли. — *Ред.*
- ¹⁸ В действительности Аба Грам (1926—1941), школьник. В период нацистской оккупации 3 августа 1941 г. был отправлен на торфоразработки. Убит. — *Ред.*
- ¹⁹ По сведениям на 1944 г. — *Ред.*
- ²⁰ Имеется в виду Прейльская еврейская основная школа. В довоенной Латвии основная школа давала обязательное шестилетнее образование. — *Ред.*
- ²¹ “*Šeinās Gram dienasgrāmata*”. — *Ред.*
- ²² Рибенишки — историческое название поселка Риебини в Латвии. — *Ред.*
- ²³ Двинск — историческое название города Даугавпилса в Латвии. — *Ред.*
- ²⁴ Германские войска оккупировали Прейли 28 июня 1941 г. — *Ред.*

- ²⁵ Особенностью Холокоста в Прейли было то, что здесь для стигматизации евреев нацисты использовали желтую пятиконечную, а не шестиконечную звезду (см.: *Мелер М.* Места нашей памяти: Еврейские общины Латвии, уничтоженные в Холокосте. Рига, 2010. С. 297). — *Ред.*
- ²⁶ Имеются в виду так называемые «национальные партизаны» — террористические и диверсионные группы пронацистского подполья, активизировавшиеся с началом нападения Германии на Советский Союз. Были созданы под контролем германских спецслужб для восстания в тылу Красной армии. В Латвии таких групп насчитывалось до 20. Они нападали на отступавших красноармейцев и расправлялись с пытавшимися эвакуироваться в советский тыл мирными жителями или передавали их гитлеровцам. Возомнив себя «национальными партизанами», в действительности никаких «национальных» задач они не решали, а были всего лишь инструментом в руках германских секретных служб, «пятой колонной» нацистов, по замыслу которых деятельность этих вооруженных формирований должна была быть кратковременной и ограничиться еврейскими погромами, однако какой-либо роли в завоевании и контроле территории для них предусмотрено не было. — *Ред.*
- ²⁷ Малта — поселок в тогдашнем Резекненском уезде Латвии, примерно в 25 км от Прейли. — *Ред.*
- ²⁸ Фото из кн.: *Мелер М.* Указ. соч. С. 300.
- ²⁹ Марианна Плагова (1927—1941) — школьница. Погибла в Прейли. — *Ред.*
- ³⁰ В. Герасимова упоминает о школьной фотографии Шейны Грам и Мэри Плаговой, которая была у нее в момент написания очерка. В фонде Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) эта фотография не обнаружена.
- ³¹ Девятое число месяца Ав по еврейскому календарю — день траура и поста в память о разрушении Первого и Второго храма в Иерусалиме.
- ³² «Идише билдер» («Еврейские картинки») — иллюстрированный журнал на идише, выходивший в Риге в 1937—1939 гг. Подписи к иллюстрациям давались также на польском, немецком, иногда английском языках. Отражал как латвийскую, так и международную жизнь и распространялся также за пределами Латвии. Издание прекратилось 26 сентября 1939 г. в связи с началом Второй мировой войны. — *Ред.*
- ³³ Подлинный текст дневника в коллекции «Черная книга» отсутствует. На основе дневника Ш. Грам и предисловия Б. Герцбаха один из авторов «Черной книги», писательница В. Герасимова подготовила очерк «Голос Шейны», не вошедший в окончательную редакцию книги. Текст дневника в очерке дан с сокращениями и изменениями.